

Мой друг Пашка

Художник Е. Силина

— Эй, Санчес! Айда на тарзанке кататься!

Это кричит мой друг Пашка. Он еще не знает, что я сижу дома как дурак — не потому, что решил прогулять уроки, а из-за высокой температуры и мерзкой боли в горле. Да еще и мама пригрозила, что если я высунусь за дверь...

Но, услышав Пашкин веселый голос, я не впадаю в уныние от того, что тот пойдет кататься на тарзанке без меня. Не-а! Я знаю, что Пашка обязательно что-нибудь придумает. Потому что он — Пашка. И он не такой, как все.

Он появился в нашем классе недавно. И само его появление было окутано тайной. Никто не знал, из какой школы его к нам перевели, кто его родители. Да и вообще странный он был. Первое время только молчал и улыбался своей нелепой улыбочкой, чем выводил всех нас из себя.

Говорят, что в школу его привезли на какой-то супермодной черной машине, а с классной руководительницей долго беседовали серьезные дядечки, после чего классная три дня ходила бледная и даже боялась смотреть на Пашку.

Ну, так это было или нет, точно сказать не могу: я, как обычно, в то время болел. Но и после, когда мы стали самыми настоящими друзьями, я так и не узнал, где Пашка живет, потому что в гости он никогда не приглашал, а от всяких намеков на это легко и непринужденно отделывался.

Впрочем, это не мешало ему ходить в гости к нам. И вот сейчас он сидел передо мной, с усмешкой наблюдая, как я давлюсь горячим чаем с малиной. Малина никак не лезла в воспаленное горло.

— Какая там тарзанка? — хрипел я. — Если мать узнает, она меня вообще в больницу упечат.

Говорил я это не очень уверенно и довольно уныло. Ведь мне страсть как хотелось опробовать эту новую штуковину. Рассказывали, что на ней можно на маленьком таком колесике пронестись надо всем карьером по натянутому тросу! Какая болезнь может остановить на пути к такому приключению?

Однако я и сам понимал, что ничего не выйдет. Руки и ноги у меня словно ватные, а голова кружилась даже от хождения на кухню. Так что испытания этого чуда пройдут без меня.

— Так я тебе принес новое средство, — доверительно подмигнул Пашка. — Держи! — И сунул мне в руку какой-то пакетик с мелкими сухими листьями. Листья на вид знакомые. — Завари как чай и выпей. Сразу все пройдет.

Пашке можно верить. Если он говорит, что пройдет, то стало быть, так и будет.

Я сделал отвар и затем выпил, даваясь кипятком. И чудо! Голова прояснилась, градусник показал 36,6. Боли в горле как не бывало.

Оставалось быстро одеться, после чего мы с гиканьем выскочили на улицу. И только по дороге я понял, что за листья находились в пакете, что за вкус у отвара.

Это был обыкновенный зеленый чай.

Тарзанка и вправду оказалась хороша. Верхний конец стального троса тщательно обмотан на уровне головы вокруг ствола старой сосны, к тому же промаслен. Когда я стоял у края обрыва, держась за деревянную рукоятку, страх не давал мне сделать шаг в бездну. Но сзади подтрунивал Пашка. И я знал, что ничего плохого со мной не случится.

Мы налетались до одурения. Даже и в голову не приходило, как я тормозил внизу, перед огромным булыжником, вокруг которого был обмотан нижний конец троса. Когда колесико набирало бешеные обороты, а палка, на которой я висел, разогревалась, как ручка сковородки, колесико вдруг плавно замедляло ход, а как — меня совершенно не интересовало.

Зато это интересовало дядек в костюмах, которые поджидали нас у выхода с карьера. В ответ на их странные вопросы я только мычал что-то невразумительное, а Пашка холодно улыбался. Ему почему-то вопросов не задавали...

Однако это не самая удивительная история про Пашку. Вообще, сдружившись с ним, мы, его одноклассники, вскоре перестали удивляться многому. Например, тому, что в хорошую погоду уроки кончались раньше, а на дом задавали меньше. Или тому, что на физкультуре даже толстый увалень Витус начал вдруг легко лазить по канату и подтягиваться пятнадцать раз подряд.

Однажды Пашку вызвали к доске. Учительница — худощавая Вампирша, как мы ее называли, — предложила ему решать довольно сложный пример. Она плотоядно смотрела, как Пашка мучается у доски, прекрасно зная, что у него проблемы с математикой.

Пашка страдал, выводя какую-то формулу и иллюстрируя ее корявым графиком. Филин с первой парты тщетно пытался ему что-то подсказать, то и дело с грохотом роняя на парту свои огромные очки.

— Так, разговорчики! — стуча костлявым пальцем по столу, предупредила Вампирша, и Филин запнулся на полуслове.

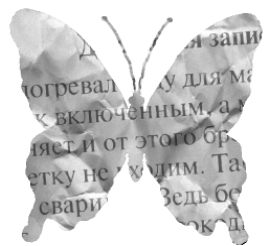
Взгляд учительницы устремился на доску.

— М-да. Я не ждала от тебя многого, Паша, но хоть таблице умножения ты бы выучил, а? Первый класс! Ну, сколько будет шестью шесть?

— Тридцать семь, — уверенно ответил Пашка и вдруг покраснел. Видимо, он слегка засомневался в своем решении. Но вдруг вздернул брови и исподлобья посмотрел на Вампиршу:

— А сколько это, по-вашему?

— И по-моему, и вообще — это будет тридцать шесть. Так что двойка тебе. Садись!

ФАНТАСТИКА

Пашка не был отличником, но отличался редким самолюбием.

— А за что двойку? — насупившись, спросил он. — Я здесь правильно все написал.

Вампирша аж оторопела от такой наглости. Класс захихикал. Назревало представление.

— Что ты написал правильно? — прошипела Вампирша, изогнувшись, будто для прыжка.

— Что шестью шесть — тридцать семь, — невозмутимо ответил Пашка. Он уже совершенно успокоился, но уходит от доски не собирался.

— Та-ак, ребята! — протянула Вампирша. — Все взяли и перевернули свои тетради. А теперь посмотрели на задней обложке таблицу умножения. Сколько будет шесть умножить на шесть? — По классу пронесся тихий ропот. — Ну, что молчим? Сколько?

— Тридцать... семь, — мертвым голосом произнес Филин и шмыгнул носом. Его нельзя было упрекнуть в незнании математики, но и читать он тоже умел прекрасно, несмотря на слабое зрение.

Вампирша принялась судорожно хватать тетради и разглядывать на них таблицу умножения.

— Бред, бред! — бормотала она. — Опечатка!

— А вы на калькуляторе посчитайте, — предложил Пашка.

Это было явной наглостью, а потому вызывало заслуженное восхищение. Я хмыкнул. Следом то же сделали остальные.

Вампирша судорожно заколотила по кнопкам. После чего охнула, схватилась за голову и выбежала из класса.

Начался галдеж, и Пашка, сопровождаемый овациями, плюхнулся за парту рядом со мной.

— Как ты это сделал? — спросил я, тыча пальцем в экран своего калькулятора. Шесть на шесть выходило именно тридцать семь.

— Да просто решил — пусть так и будет, раз написал уже. А какая разница?

Калькулятор вдруг выдал длинный ряд цифр и умер. А через секунду погас свет во всей школе.

Помните? Это был тот самый день, когда во всем мире возникли проблемы с электричеством, когда вышибло все компьютеры. Когда чуть не сошла с орбиты МКС. И все оттого, что мой друг Пашка не дружил с математикой.

Как я догадался, что все дело именно в нем? Сам не пойму. Но вечером, когда сел за уроки, стало ясно: как ни решай задачи, а все получается наперекосяк. Да еще не горит свет, и даже книжки рвутся в руках, когда пытаешься их открыть, и с дверями что-то не то (хлоп-хлоп, а ведь никак-го сквозняка!), и перестали отвинчиваться краны... Ну, что я вам рассказываю, вы ведь сами все это помните.

Тогда я пошел искать Пашку. И, как оказалось, не я один.

Возле дома меня поджидали знакомые дядечки. Выглядели они весьма озабоченно. Видимо, оттого, что на этот раз приехали не на роскошной иномарке, а на стареньком «уазике». «Уазик», как ни странно, работал. Несмотря на то что шесть на шесть теперь тридцать семь.

Без долгих разговоров они усадили меня в машину, и мы поехали.

— Мальчик, скажи, где сейчас может быть Паша? — спросил один из этих странных людей.

— Дома, наверное, — буркнул я.

— Дома его нет, — быстро сказал второй.

— Ну, не знаю, — пожал я плечами. — Может, на карьере?

Старый карьер — это наше любимое место для игр и сборищ. Летом — кучи огромных камней и маленькое грязное озеро посередине, настоящий Большой каньон, а зимой — идеальное место для катания на санках, ну и на лыжах, если кому не жалко лыж и кого не пугают переломы.

И мы туда поехали.

Когда въезжали в кратер карьера, я сразу почувствовал неладное: трос новенькой тарзанки безвольно свисал прямо в грязное озеро. Я еще не успел ничего сообразить, как взрослые выскочили из машины и бросились куда-то.

Я тоже выскочил наружу и увидел Пашку. Он лежал на берегу озера, наполовину в воде, придавив своим телом часть уходящего в воду троса.

Вам знакомо ощущение, когда все вокруг происходит будто бы вовсе не с вами — словно наяву попал в страшный сон? Именно так было в ту минуту.

Когда Пашку уложили на заднее сиденье, он увидел меня. И вдруг всхлипнул.

— Я ошибся. Шесть на шесть — и вправду тридцать шесть. — А затем стал бормотать что-то совершенно непонятное.

— Что с ним? — испуганно спросил я, когда мы ехали в больницу.

— Все будет хорошо, — уверенно сказал один из дядечек. — Мы успели вовремя.

— А когда он снова придет в школу?

— Думаю, скоро...

Но в школу Пашка так и не пришел, и я его больше не видел.

Похоже, те самые дядечки решили от греха перевести его в очередную школу, подальше от нас.

О Пашке напоминают мне только сгоревший калькулятор, подшивка научных журналов о необъяснимых аномалиях в орбитах планет Солнечной системы да стоящие на полке регалии нобелевского лауреата.

Считается, что именно я придумал лечить грипп обыкновенным зеленым чаем. Ведь если я расскажу про своего друга Пашку, мне никто не поверит.

